

Становление терроризма с наднациональным характером: фактор космополитизации

В.И. Долгий

В статье обозначены основные тенденции, ведущие к переходу современного терроризма с внутригосударственного на транснациональный уровень, в связи с чем показана глобальная роль процесса космополитизации. Дан сравнительный анализ двух типов терроризма, один из которых существует в эру индустриального модерна, другой соответствует современным обществам.

Современный терроризм претерпевает изменения, напрямую касающиеся его содержания, стратегических и тактических целей, применяемых методов и используемых средств. Эти трансформации совпадают с началом радикального модерна (в отличие от модерна индустриального), который Э. Гидденс характеризует как усложняющийся рефлексивный социум. Английский социолог отмечает, что в этот период глобальные проблемы приобретают в сознании людей не меньшую, а порой и большую значимость, чем локальные, а институциональное развитие порождает у них ощущение фрагментации и дисперсии (рассеивания) социальной реальности. Как показало развитие событий, по мере того как эти тенденции набирали силу, в мире произошло непредсказуемое и довольно стремительное становление исламистского или джихадитского террора, который, по существу, вышел на глобальный уровень.

До начала 1990-х гг., пока не исчерпали себя тенденции индустриального модерна, наиболее крупные и активные террористические организации имели иной облик, нежели нынешние. В большинстве своем они действовали локально – в какой-либо отдельно взятой стране,

а их противниками были политические режимы бывших метрополий либо соседние государства, в отношениях с которыми присутствовала давняя и, как казалось, непримиримая вражда. Идеологические ориентиры этих группировок неоднородны – от троцкизма до религиозного консерватизма, – но в практическом плане конечная цель большинства из них состояла в отстаивании интересов своей нации, в укреплении ее суверенитета или расширении культурной автономии в противовес тенденциям глобализации. Подпольная борьба, развернутая Ирландской республиканской армией (ИРА) велась, по сути, за воссоединение острова в границах единой страны, новые условия для ее самоопределения, достижение исторического реванша. Британский исследователь терроризма Дж. Бойз отмечает: «Ирландский национализм был не тем, чем был национализм немецкий или итальянский, делом, объединяющем «народ» вокруг его предназначения для политического триумфа. Напротив, он запомнился как история угнетения, поражения, унижения и упадка»¹.

Весьма схоже заявляет о себе ЭТА, появление которой происходит вследствие упразднения национальной автономии Страны Басков

Долгий Владислав Иванович – соискатель кафедры социологии МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

и попыток франкистского Мадрида сделать Испанию в полной мере унитарным государством, а испанский язык – единственно имеющим хождение. «В начале 70-х гг., – пишет российский социолог Г.И. Волкова, – ЭТА воспринималась в Европе не как экстремистская, а как патриотическая организация. Это подтверждает, например, отказ французского правительства удовлетворить официальную просьбу Мадрида об экстрадиции этаровцев, подозреваемых в совершении покушения против Л. Карреро Бланко, со ссылкой на статью 3 франко-испанского соглашения об экстрадиции от 1877 г., согласно которой не подлежат выдаче лица, подозреваемые в совершении преступлений по политическим мотивам»².

С 1960-х гг. до середины 1990-х гг. вопрос о возвращении контроля над историческими территориями и о дальнейшем национальном самоопределении остается ключевым для «Акции за возрождение Корсики», «Тигров освобождения тамил и дама», кипрской ЭОКА-Б, «Рабочей партии Курдистана». Этот список дополняет палестинское сопротивление. Его хотя и представляют несколько движений, использующих методы диверсионного террора, – марксистский ФАТХ, исламистский Хамас, проиранская шиитская Хизболла, – каждое из них в конечном счете ведет борьбу за пересмотр израильских аннексий и возрождение независимого арабского государства.

Организации, составлявшие авангард террористического движения в 1960–1990-х гг., как и подпольные революционные ячейки конца XIX в., имеют ряд характерных черт:

- во-первых, будучи национально ориентированными, они и формируются по национальному признаку: основу личного, тем более руководящего состава, ЭОКА-Б составляют греки-киприоты, «Серых волков» – турки. Ближе к 1980-м гг. между некоторыми из группировок складываются узы сотрудничества, происходит обмен опытом, добровольцами, объединяются усилия для закупок оружия и боеприпасов, поиска каналов финансирования. Определенное развитие такие контакты получают между ИРА, ЭТА, палестинским сопротивлением. ФАТХ оказывает значительную поддержку Фракции Красной Армии Германии. Однако общая тенденция от этого не меняется: все эти организации продолжают действовать автономно, на национальном уровне, и сосредоточены на своих локальных целях и задачах, и, несмотря на наличие общих интересов, их слияние в единое скоординированное движение так и не происходит;

- во-вторых, подобранный по национальному критерию состав выстраивается в четко определенную структуру. Как правило, боевики законспирированы и поделены на малые группы, которые подчиняются исключительно одному представителю руководящего эшелона. Вся разветвленная сеть, все ее многочисленные звенья

организованы в соответствии с принципом централизованного контроля и единоначалия. Боевики не проводят акций без приказов, за терактами следуют скоординированные действия по оказанию давления на политические круги, а также по обработке общественного мнения. За внешне хаотичными всплесками террора в этот период просматриваются устойчивый порядок и тщательное планирование;

- в-третьих, черта организаций этого национального типа терроризма – претензия на легитимность. В большинстве своем они не только настаивают на том, что их требования законны, но и действуют как бы в том же правовом поле, что и их оппоненты. Так, ЭТА добивается гарантий безусловной экономической и культурной автономии. Уже на стадии зарождения этого движения приоритетными требованиями политического крыла Баскской национальной партии является «восстановление утраченных формальных льгот и прав»³.

ИРА опирается на успешный опыт выхода из-под власти Англии в начале XX в. и стремится к международно-правовому признанию несовместимости статуса Северной Ирландии с британским суверенитетом. Эти претензии на легитимность неслучайны, ибо конфликты, в результате которых развивается террористическое сопротивление, имеют глубокие исторические корни. Для ирландцев речь идет о продолжении борьбы за независимость, начатой еще при Елизавете II. Баски также рассматривают свое подпольное движение в контексте традиционно сложных отношений с испанской короной, лозунг, выдвинутый их идейным лидером С. Араной: «Бог и старый закон». То же стремление ликвидировать историческую несправедливость движет курдами, армянами, греками-киприотами, палестинцами. Поэтому все они расценивают свои действия как своего рода неконвенционную войну и категорически отрицают обвинения в преступлениях;

- в-четвертых, в качестве идеологической платформы в тех или иных пропорциях используется сочетание национального фундаментализма и радикального марксизма. «Рабочая партия Курдистана» и палестинский ФАТХ изначально формируются как движения, ведущие национально-освободительную борьбу в целях построения «социализма». Ближе к 1990-м гг. левый крен начинает усиливаться в политических взглядах ИРА и ЭТА, налаживается их сотрудничество с итальянскими «Красными бригадами»;

- в-пятых, иерархическая структура этих террористических организаций, их национальный характер предполагают определенные методы борьбы с ними. Во многом решающим условием для рассеивания такого рода группировки является нейтрализация ее лидера, руководящего звена в целом. При этом

значительную роль в этот период играют и меры социально-экономического воздействия на среду распространения терроризма. Так, при поиске путей решения североирландского кризиса в Лондоне пытались проводить курс на «создание качественно новых подходов к решению проблем в экономике, занятости, расселения людей...»⁴.

Однако с середины 1990-х гг. социокультурная динамика в виде глобализационных процессов усложняется, ситуация начинает быстро и неуклонно меняться. К концу 2010 г. на пике террористической активности находятся организации уже иного, наднационального типа. Инициативу перехватывают сетевые объединения исламистского толка, авангардом которых является «Аль-Каида». Уже на этапе своего становления это движение не замыкается в границах отдельных государств, а складывается как космополитическая организация. По мере своего развития приоритет оно видит не в склонении на свою сторону отдельных политических режимов, но в воссоздании объединенного халифата от юга Испании (Андалузия) до Индонезии.

В результате стремительных трансформаций «Аль-Каида» приобретает гибкую и довольно мобильную структуру, отличную от иерархий армейского типа. Как констатируется в докладе, сделанном в 2010 г. ведущим советником Центра стратегических и международных исследований (США) Хуаном Зарате, «Аль-Каида» не является больше той организацией, с которой мы столкнулись 11 сентября 2001 г.»⁵.

Более того, к началу второй декады XXI столетия все большее внимание западных экспертов сосредоточено на возрастающей угрозе со стороны террористов-одиночек исламистской ориентации. Нередко это лица, имеющие американское или западноевропейское гражданство, которые, пройдя спецподготовку на базах исламистов либо просто контактируя с ними по Интернету, действуют на глобальном уровне. Значимость этой угрозы отражается не только статистикой предпринятых покушений, но и самим фактом того, что в социальной и культурной среде Запада формируются носители идей джихада. Случаи с Мохаммедом Мера во Франции, а также с Надалем Маликом Хасаном в США являются вполне убедительными тому подтверждениями.

Навязанное наднациональными террористическими организациями противостояние разворачивается не в границах отдельных государств и не в сфере интересов отдельных наций, оно приобретает глобальный характер. Если ранее тергруппировки базировались в более или менее очерченных географических зонах – Северная Ирландия, Страна Басков, Кипр, Ливан и т.д., – то с наступлением перемен наиболее эффективные из них приобрели мобильность, стали регулярно менять страну дислокации. Испытав на себе силовое давление, руководство «Аль-Каиды» поэтапно отдает предпочтение то

Судану, то Ираку, то базируется на территории талибов, после чего «Аль-Каида» в Магрибе (АКИМ/AQIM) стремится найти безопасное укрытие южнее сахаро-сахельской зоны. Образованный в рамках Исламского движения Узбекистана Союз исламского джихада с 2007 г. действует за географическими границами своей «канонической территории» – в пакистанской провинции Вазиристан. Аль-Шабаб же прилагает значительные усилия для расширения своего контроля в регионе Африканского Рога.

В сфере идеологии национализм, как и национально ориентированный социализм, вытесняются космополитической версией ислама. Однако, по сути, речь идет не столько о мусульманском, сколько о масштабном наднациональном движении протеста, перешедшем стадию деструктивной агрессии. Легитимность, венчающая историческую справедливость, не является больше конечной целью террористов. Столкновение мира ислама и мира порока исключает юридические компромиссы. Вопрос в сложившейся ситуации стоит не о предоставлении суверенных прав, привилегий, территориальных уступок, а о пересмотре критериев выстраивания в мире социального порядка.

Одновременно исчерпывают себя прежние методы борьбы с террористическими организациями. Принцип нейтрализации их руководства перестал быть эффективным. Объявления США о ликвидации лидера «Аль-Каиды» в Ираке Заркауи, а затем самого основателя движения Усамы бен Ладена не только не остановили, но осложнили, а в чем-то и стимулировали процесс глобального распространения практики террора.

В целом с началом 2000-х гг., отмечает С.А. Эфилов, «терроризм стал, по существу, новым явлением, приобрел масштабы глобальной социальной проблемы – не только в географическом плане, но и в плане деструктивного социального потенциала, все больше оказываясь связанным с проблемой выживания. Именно в этом смысле можно говорить о новом формате проблемы, о том, что нынешний террористический феномен становится реальной угрозой перспективам социального согласия, которые в последнее десятилетие начали принимать реалистические очертания»⁶.

Наблюдаемый переход от распространения терроризма в границах отдельных государств к его растущему глобальному размаху совпадает с отмеченным немецким социологом Ульрихом Беком процессом космополитизации. В понимании ученого космополитизация есть нечто противоположное космополитизму как некоей социальной утопии, социально-философскому течению, зародившемуся в античности и получившему широкое распространение во взглядах эпохи Просвещения и далее – в обществах индустриального или первого модерна.

Единение человечества как высшая ценность, благодаря которой преодолеваются основные противоречия общества – абстракция, имеет весьма опосредованное и отдаленное отношение к реалиям. «На стадии, когда эра современности проходит в границах отдельных государств, – поясняет У. Бек, – космополитизм может быть постигнут только интеллектом, отложиться в головах, но он не может ощущаться как жизненный опыт»⁷. Причем состояние умов, о котором говорит немецкий социолог, характерно в основном для узких слоев элиты. Оно является результатом ее сознательного, в немалой степени произвольного, жизненного выбора и не имеет хождения среди широких масс. У. Бек приводит понимание этого феномена в философии И. Канта, согласно которому « космополитизм ... означает нечто активное, самоцель, нечто устанавливающее порядок в мире»⁸.

В случае же с космополитизацией речь идет непосредственно о реальности, которая меняется в результате смещения, а иногда и столкновения культур, когда открытость обществ ставит под вопрос состоятельность отдельных идентичностей и традиций и нередко приводит к острым и затяжным конфликтам. «Концепция космополитизации разработана с тем, чтобы привлечь внимание к тому факту, что, становясь космополитичной, реальность одновременно, и даже в первую очередь, складывается под воздействием принудительного выбора или побочного следствия неосознаваемых решений»⁹. Поэтому, согласно У. Беку, «космополитизация в этом смысле означает латентный космополитизм, подсознательный космополитизм, пассивный космополитизм, который формирует действительность, будучи сторонним следствием глобального товарообмена и глобальных угроз, таких, как изменение климата, терроризм и финансовые кризисы»¹⁰. Возникает ситуация, когда и отдельные люди, и сообщества вынуждены сосуществовать с представителями другой, часто непонятной им культуры, более того, становиться частью этой культуры.

В своем исследовании У. Бек приводит оценки, согласно которым национальные и расовые меньшинства в Соединенных Штатах считают, что у большинства их представителей нет достаточных возможностей для самореализации, так как политическая власть и национальное богатство сосредоточены в руках белых англичан протестантского вероисповедания. При этом сами белые англичанско-протестанты убеждены, что они уже давно представляют собой этническое и конфессиональное меньшинство и не являются больше хозяевами в своей стране.

Посредством описания этой ситуации немецкий социолог дает достаточно емкое истолкование происхождению того потенциала социальной и политической напряженности, который несет в себе процесс космополитизации. Представители национальных, религиозных и

иных общностей приходят к осознанию, скорее даже ощущению того, что в их мир проникает чуждое, малопонятное и не поддающееся контролю явление. Им крайне трудно, а порой невозможно противостоять разрушению привычных жизненных устоев, которое несет с собой эта культурная интервенция, найти свое место в складывающемся социальном порядке.

Контур этой проблемы, связанной с переходным периодом эры модерна, отмечались ранее и Ю. Хабермасом: «Разнообразные поводы для недовольства и протеста возникают там, где односторонняя рационализация, ориентированная на критерии экономической и административной рациональности, проникает в те жизненные сферы, которые центрированы на задачах передачи культурной традиции, социальной интеграции и воспитания, а потому опираются на другие критерии рациональности, а именно на критерии коммуникативной рациональности»¹¹. Нередко такого рода процессы приводят к росту нигилизма, находящего свое выражение в деструктивных, часто демонстративно агрессивных формах поведения, создавая таким образом условия для практик, связанных с террором.

При этом космополитизация, по Беку, отлична от глобализации, понимаемой преимущественно через призму все более интенсивного перемещения капиталов и трудно предсказуемой конъюнктуры взаимопроникающих рынков, в том числе рынков труда. При использовании термина «глобализация» имеется в виду в первую очередь совокупность макроэкономических процессов, которые, безусловно, имеют глубокую и прочную связь с такими явлениями, как политические катаклизмы, социальные революции и, в частности, возникновение очагов террора. Однако характер этой связи в заданном контексте неустойчив, он меняется в каждом конкретном случае. В этом смысле «космополитизация» означает более широкий спектр перемен, происходящих как в культурной среде в целом, так и в индивидуальных жизненных мирах в частности. С.А. Кравченко отмечает: «Очевидно, что при введении понятий «космополитизация» и «космополитический реализм» Беку потребовалось их развести с термином «глобализация», что осуществляется им, прежде всего, в контексте спецификации сфер, охватываемых ими»¹².

Таким образом, термин «космополитизация» в большей степени раскрывает значение социокультурного фактора в проблеме терроризма, позволяет обратиться к тем реалиям, которые не касаются напрямую вопросов получения и распределения богатства, но играют тем не менее существенную роль при жизненном выборе людей. Космополитизация обществ, их существование в условиях возрастающей неопределенности, осознаваемых и неосознаваемых рисков предполагает, что

■ Социология

террористические угрозы приобретают все более трудно предсказуемый, в какой-то степени все более спорадический характер. Те сложности, которые возникают с прогнозированием процесса перемещений террористических группировок из одного региона в другой, со сменой их целевых установок, с неконтролируемым процессом роста их популярности среди маргинальных элементов по всей планете, – все это, как представляется, предполагает ревизию теоретико-методологического инструментария, применяемого в настоящее время к изучению терроризма. Не исключено, что это только

начало сложного процесса появления новых вызовов и угроз.

Dolgy V.I. Terrorism formation with supranational character: kosmopolitization factor.

Summary: *The article indicates the general trends leading to the transformation of contemporary terrorism from national to transnational stage, above all the global role of the kosmopolitization. It contains a collative analyses of the two types of terrorism. One of them, existing at the age of industrial modernity, and another one corresponds to the contemporary societies.*

Ключевые слова

Терроризм, индустриальный модерн, радикальный модерн, космополитизация.

Keywords

Terrorism, industrial modernity, radical modernity, kosmopolitization.

Примечания

1. Boyce, D.J. A Gallous Story and Dirty Deed: Political Martyrdom in Ireland since 1867 // Ireland's Terrorist Dilemma Oxford. 1986. P.9–10.
 2. Волкова Г.И. Истоки и современные реальности баскского сепаратизма // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 177.
 3. Там же. С. 170.
 4. Орлова М.Е. Ирландский терроризм и уроки борьбы с ним // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 147.
 5. Zarate, J.C. Al Qa'ida in 2010: How Should The U.S. Respond? // Center for Strategic and International Studies, January 27, 2010, Statement before the House Armed Services Committee. P.3 // <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-111hrg58293/pdf/CHRG-111hrg58293.pdf>
 6. Эфириков С.А. Терроризм и перспективы социального согласия: новый формат проблемы // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 74–75.
 7. Beck U. Cosmopolitan Vision. Cambridge: Politty Press, 2007. P. 19.
 8. Beck U. Cosmopolitan Vision. P. 19.
 9. Beck U. Cosmopolitan Vision. P. 20.
 10. Beck U. Cosmopolitan Vision. P. 19.
 11. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 16.
 12. Кравченко С.А. У. Бек: социологическое воображение, адекватное рефлексивному модерну // Социс. 2011. № 8. С.19.
-